

Луна медленно поднималась над вершинами тополей, неуклонно двигаясь на запад. Серые облака перекрыли ночное небо, скрыв собой яркий лунный свет. Словно Чэнь Жун забрал его весь с собой, уходя. Идеальная ночь, чтобы впитать лунный эфир, рассеянный в пространстве. Отраженный свет Луны добавлял эфиру иньского вектора, который был естественно присущ омегам.

Женя принял позу для медитации. Эфир, напитанный лунный светом и инь, помогал пробуждению некоторых особых способностей. Он проглотил пилюлю концентрации, и, раскинув руки, притянул токи эфира к себе, изящным движением закрутив их в печать ночного зренья и позволил печати опуститься на себя. В прошлой жизни он проделывал подобное не единожды. Даже нанес руну на себя. В его работе такое умение было очень важно. «Кошачий глаз» даже на первых уровнях позволял не просто видеть в темноте, а различать ауры всего живого и не очень. Эта печать не относилась к местным иероглифам, хотя в его время уже секретной не была. Ему стало любопытно, ведь он помнил заученные печати-глифы на основе рун ариев и скандинавов, друидов-альбов и магрибов; интересно, как они будут работать в местном, так сказать, колорите...

Он все же не был до конца уверен, что это его собственный мир, не исключено что это другое его отражение... точнее его прошлое время... Он знал и китайский и японский языки, но своего времени, когда был выведен некий усредненный стандарт, доступный всему населению, ведь его готовили в «восточном направлении». Но у аристократов Поднебесной и в его времени остался свой старинный многозначный вариант чтения и написания иероглифов, доступный далеко не каждому, поскольку был скорее каллиграфическим искусством, чем грамотой. И считающийся показателем статуса в случае его освоения.

Магические Печати создавались именно знатоками этого написания. Там он его не знал, поскольку ему учили только в кланах Поднебесной. А тут его знание этого письма пришло вместе со второй жизнью. Помимо него в этой жизни к ним добавились еще и отдельные языки местных северных племен. Но вот свои печати в Поднебесной хранили качественно. Каждая из них, помимо своего смыслового значения, как правило представляющего собой изречение или стих, должна была быть еще и красивым завершенным каллиграфическим орнаментом

И ему еще предстояло найти и изучить те, что уже созданы. Однако это дело не одного дня. Не так просто найти свитки, где есть базовые печати. Внося изменения в печать, маг добивается его усложнения ну или... пшик. Потому линейки развития техники хранятся в тайне. В наиболее удачных случаях сами линейки превращаются в Древа Умений. От многих из них к новому времени сохранились лишь ветви, собрать которые в единое целое было уже невозможно... ну или возможно для гения, в совершенстве знающего каллиграфию. Такие есть только в этом времени. Когда печати только начинают создавать. И Чэнь Жун собирался постигнуть это искусство в совершенстве.

Веселые голоса молодежи постепенно таяли, пока не стихли совсем.

Чэнь Жун сидел в своей повозке, медитируя. Его аура переливалась лунным светом. Только когда нити эфира стали гаснуть, теряя лунную силу, он вернулся в реальность, взмахнув рукавами и привычно отдав благодарность эфиру. Наклонив голову, он посмотрел наружу, в пространство, укрытое черной пеленой ночи. Только слабый свет единственного факела прорезал тьму. В это мрачное время суток, когда все живое спало, лишь одиночество и некая загадочность, казалось, парили в воздухе в такт трепещущему на ветру огню факелов и светильников. Он привычно выполнил несколько упражнений на концентрацию, нормализуя потоки в магических меридианах своего тела, сознательно направляя избыток к глазам.

Широко раскрытыми глазами он вглядывался во тьму.

Неизвестно, как долго он вслушивался в звуки ночи, пока, наконец, его губы не изогнулись в улыбке.

Глаза, сами собой переключившиеся на ночное зрение, различили приближающиеся фигуры. Они двигались осторожно, но отнюдь не бесшумно. Время от времени кто-то спотыкался и падал. До его ушей доносились слабые вздохи, хрипы и кашель, рвущийся из груди, а также низкий лай.

Производимый ими шум не был громким, но он сильно резонировал с тишиной глубокой ночи.

Чэнь Жун спокойно наблюдал за ними, подспудно радуясь включившемуся умению, первому из ветки развития « кошачьего глаза ». В прошлой жизни его пришлось долго тренировать, а сейчас оно включилось само, после первого наложения эфирной печати. Не исключено, что просто вспомнились навыки, как только был достигнут определенный уровень роста силы и выполнена активация...

Его глаза следили за силуэтами, которые разбрелись по краям каравана. По их светящимся аурам он мог сказать, кто из них болен, кто давно ел, кто чем страдает. В передней части каравана путешествовали главные члены семьи Ван; там было много богатств. В хвосте ехали слуги, и семья хранила свое продовольствие.

После того, как беженцы пробрались в лагерь, то тут, то там раздавались шорохи, треск, кто-то переговаривался, и что-то явно тащили по земле.

Через пятнадцать минут тени, нагруженные мешками разных размеров, начали отступать. Им на смену пришел другой отряд.

Маленькая тень понеслась вперед и, не заметив преграду, врезалась во что-то. Раздавшийся вслед за ударом звук не был громким, но препятствие внезапно проворчало:

— Кто это такой неуклюжий?

Внезапное ворчание поразило всех. Владелец голоса открыл глаза. С глазами, круглыми, как два солнечных диска, он оторопело уставился на крошечную фигуру перед ним, а затем заорал во все горло:

— Вы кто такие? Люди, просыпайтесь! Все просыпайтесь!

Несмотря на глубокий сон, всех сразу же разбудил вопль этого человека. Тут и там начали раздаваться крики.

— Наглые бродяги! — грозный рык раскатился по всему каравану.

Яркий свет зажжённых факелов прорезал тьму и лагерь, наконец, проснулся.

И наступил хаос.

Не одевшись должным образом, охранники покинули свои палатки. На фоне их непрекращающихся криков из своего шатра выбежала молодая девушка, босая и простоволосая. Злые слезы катились по ее лицу:

— Мое ожерелье! Мое жемчужное ожерелье из Южного моря пропало!

Другой член семьи Ван крикнул:

— Схватить их! Схватить их всех! Эти крестьяне осмелились на воровство. Они осмелились оскорбить путешествующих дворян. Стража, убейте их! Не позволяйте им уйти! Никто не должен уйти живым!

Стражники, которые преследовали беженцев, были в бешенстве - кто они? Насколько они, доблестная стража, сильны? Тем не менее, они позволили этим безоружным оборванцам приблизиться к лагерю и даже украсть вещи из палаток!

Приказ мужчины лишь укрепил их мужество и подстегнул рвущийся наружу гнев.

В темноте ночи начали раздаваться пронзительные крики. Полные боли и страданий они раздавались так далеко, что создавали эхо, которое прокатилось по всем дорогам Долины Шанминь.

Такие дикие крики могли принадлежать только умирающим людям!

Шум и бойня мгновенно прекратились. Люди, словно громом пораженные, застыли на своих местах.

В наступившей тишине патриарх Ван Чжоу поспешно прокричал:

— Немедленно прекратить убийства, прекратить!!

Его громкий призыв сбросил с людей оцепенение, и все начали приходить в себя.

Услышав эти слова, кровавая пелена спала с глаз беженцев. Они повторили приказ Ван Чжоу и быстро начали отступать.

— Господа, пожалуйста, оставьте то, что вы взяли! В противном случае, не обвиняйте меня в жестокости! — вновь отдал приказ мужчина.

К этому моменту сотни охранников на лошадях окружили беженцев.

Им больше некуда было бежать.

— Братья, не слушайте этого старого хрыча. Мы умрем с голоду, если не возьмем эти вещи. И если это наступит так скоро, то лучше бороться до конца сейчас! — прозвучал из толпы грубый голос.

Другой, слегка болезненный голос сказал:

— Господин Ван, один из ваших обедов может прокормить сотни из нас в течение трех дней! Пожалуйста, будьте милостивы и дайте нам немного еды.

Эти беженцы были честными людьми, которые знали свое место. Если бы их не загнали в угол, они бы никогда не посмели ограбить дворян. Вслед за болезненным голосом раздались десятки голосов других людей:

— Господин Ван, дайте нам немного еды! Наши дети голодают!

— Дайте нам немного еды, и мы уйдем.

— Да, дайте нам пищу. Все, что вам нужно сделать, это съесть немного меньше, чем обычно, зато вы спасете множество жизней.

— Если вы не дадите нам пищу, то мы не сможем дойти до юга!

— Мы вернем вам вещи, если вы дадите нам пищу!

Шум нарастал, становясь все громче и громче.

Молодой парень подбежал к Ван Чжоу и воскликнул:

— Отец, ты не должен этого делать. Эти жалкие крестьяне не смеют нам угрожать!

— Дядя, я думаю, мы должны дать им пищу, — сказал другой молодой человек, стоящий рядом с ними.

Ван Чжоу нахмурился и поднял правую руку, чтобы остановить разгорающийся между молодыми людьми спор.

— Дайте им пищу! Ван Ю! — мрачно воскликнул мужчина.

— Здесь!

— Прикажи всем немедленно разойтись.

— Да!

— Ван Я!

— Здесь!

— Возглавь стражу и собери этих беженцев на обочине. Скажи им, что пища будет немедленно роздана. Попроси их вернуть все, что они взяли.

Еле сдерживая себя, он торжественно воскликнул:

— Если найдутся те, кто снова начнет бунтовать, сразу же убейте их!

— Да!

— Дайте им пищу после нашего отъезда. Развяжите пять мешков кукурузы, затем, когда повозка тронется, пусть крупа сыпется по земле.

Глаза нескольких молодых дворян засветились от удовольствия.

— Так им и надо! — выпалил один из парней.

— Как они смеют угрожать нам. Мы заставим их ползать по земле, чтобы они поедали зерна, смешанные с грязью!

Стража сделала все так, как им и велели.

Двадцать голодающих беженцев не смогли оказать сопротивление сильным и опытным стражникам. Ситуация вскоре снова оказалась под контролем клана. За короткое время все, или почти все, что было украдено, вернулось в собственность семьи. Эти безоружные люди не смогли бы сделать и пары коротких шагов, даже если захотели. После того, как нескольких их лидеров убили, они, словно беспомощные котята, стояли, застыв на обочине дороги, и наблюдали, как кавалькада клана Ван тает в предутренней мгле. Они долго стояли недвижимые, пока не заметили тонкий ручеек кукурузы, текущей из последней повозки.

Их безжизненные глаза загорелись лихорадочным блеском.

Прислушиваясь к восклицаниям беженцев, Чэнь Жун откинулся на мягкий тюк свернутой постели в своей повозке. У него было время немного подремать до рассвета.

К тому времени, когда они, наконец, оставили беженцев далеко позади, на востоке сверкнул первый рассветный луч. Настало время утренней медитации.

Караван вошел в пустыню.

Возле повозки слышался стук лошадиных копыт.

— Сяо-Жун уже проснулся? Господин Ван хочет встретиться с Вами, — уважительным тоном сказал подъехавший человек.

Женя вздохнул. Этого следовало ожидать. Он убрал в потайной карман свой записной блокнот, который перечитывал. Впереди было следующее испытание.